

own. It is travel and trade that made this international exchange of information possible, and that helped prepare the way for the Enlightenment.

References are to:

Olearius, Adam. *Vermehrte Neue Beschreibung der Muscovitischen und Persischen Rejse*. Edited by Dieter Lohmeier. 1971 ed. *Deutsche Neudrucke 21*. Tübingen: Max Niemeyer, 1656.

See also:

Olearius, Adam. *The Travels of Olearius in seventeenth-century Russia*. Translated by Samuel Baron. Edited by Samuel Baron. Stanford: Stanford University Press, 1967.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, КОНВЕРГЕНЦИЯ ИДЕЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ЕРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Даля Эйдуkene

Вильнюсский Гедеминовский технический университета, г. Вильнюс, Литва

В политической системе общества ведущим звеном выступает определенная модель государства. Современный этап общественной системной трансформации в постсоциалистических странах происходит в условиях создания правового государства. Воплощение в жизнь этой долгосрочной, стратегической и конституционной цели-идеала государственности сопровождается попытками преодолеть традицию классового государства, желающего стать политической, правовой организацией сотрудничества разных социальных групп и гарантией их благополучия. Это связано с общей демократизацией политической жизни народов, потому что идея правового государства всегда шла и идет вместе со свободой, демократией и идеей защиты прав человека, потому что демократия не может ничем другим конкретизироваться, как только господством права. Но правовое государство не может ограничиться только гарантиями минимальной безопасности своих граждан, заставляя власть повиниться закону. Оно должно идти дальше, гарантируя максимум безопасности прав, т. е. послушания властей не только ей самой изданным законам, но и от нее независимо существующим ценностям и социальным правам человека. Именно в этом таится необходимость расширения идеи правового государства в социальном направлении.

Именно в этом направлении развивается модернистская концепция и практика европейских государств. Влияние идеи социального государства общему прогрессу настолько значимо, что после Второй мировой войны она была возведена в конституционный принцип ряда стран — Великобритании, ФРГ, Японии, Австрии, Греции, Италии, Португалии, Франции, Швеции, Швейцарии и т. д.

В конституциях почти всех постсоциалистических стран также продекларировано, что они являются социальными государствами, а программные документы основных политических партий в явной и неявной форме содержат в себе те или иные элементы ориентации на социальную справедливость, решение социальных вопросов, которые, так или иначе, сводятся к проблеме социального государства. Но на деле мы имеем совсем иное положение дел. Торжество идеи социальной справедливости и социального государства в данном пространстве длится короткий миг — в момент выборов. Но скрытая актуальность темы остается. Она обостряется очевидным кризисом радикал-либеральной политики, который оголяет нерешенность социальных

проблем и заставляет искать пути сочетания в государственной практике двух самых фундаментальных ценностей – свободы и социальности.

Радикальный либерализм оголил еще одну проблему, которая объективно заставляет переоценить ценности. Это проблема свободы и капитала, обеспечением которых в постсоветском пространстве надеялись решить множество проблем. Но либерализм, ограничивался лишь провозглашением юридической свободы и довольствовался имиджем этой ценности как самодостаточной. Более того, он сам ее и разрушает, требуя сбалансировать права и свободы индивида не с его культурной активностью, а с его управляемым капиталом. Таким образом, свобода перестает быть около капитала и без капитала. Говоря словами Б. Спинозы, попытка пропагандировать свободу как самодостаточную ценность становится симпатичной поэзией, которую интересно читать, но жить по ней невозможно.

Радикальный либерализм демистифицирует свободу, идентифицируя свободу личности с его объемом им управляемого капитала. Такое положение дел превращает государство в «королевство кривых зеркал», когда собственник капитала оказывается единственным борцом за свободу на фоне равнодушного общества, а дела экономически слабых граждан никого не интересуют.

В связи с этим стоит вспомнить слова основоположника концепции европейского социального государства Лоренца фон Штейна, который, стоя у истоков немецкого либерализма, заявлял, что смитианский оптимизм XVIII века, возлагавший такие радужные надежды на социальные последствия экономической свободы, не полностью оправдал себя. На исторической авансцене, как и прежде, остаются нерешенными экономические и социальные вопросы общества. По мнению Штейна, рост классовой борьбы и возникновение идеи социализма на деле доказывают, что экономическая свобода, как и свобода частного-хозяйственного предпринимательства, не только не равносильна фактической свободе личности, а может иметь и обратный смысл^{IV}.

О смерти «фанатического национального либерализма» отцовского поколения в конце XIX века заявлял и Макс Вебер. Он назвал причину ее – старое поколение либералов «просто не признавало «социального вопроса». Именно поэтому радикальный либерализм проиграл борьбу с альтернативами, и в первую очередь, социал-демократам. Более того, Вебер обратил внимание соотечественников на особенную ситуацию эпохи, когда «мы сталкиваемся с другими задачами, чем наши родители», – они намного превосходят либерализм предшествовавшего поколения, и «мощный энтузиазм идеализма» сделался невозможным». По мнению теоретика, необходима эволюция либерализма и она возможна, потому, что мы стали «лучше понимать прозаичные закономерности социальной жизни». Это понимание социального вопроса в дальнейшем вылилось в конвергенцию двух основных общеполитических парадигм – либерализма и социал-демократии. Только на уровне массового сознания они выступают как альтернативы. Но на уровне социального государства уже давно социал-демократизм «либерализуется», а либерализм «социал-демократизируется». Сегодня этот процесс продолжается.

Таким образом, ретроспектива приведенных выше мыслей теоретиков и практиков социального государства из прошлых разных столетий подтверждает, что современный мир является определенным синтезом социально-политических идей и практических творений, которые работают не только на повестку дня, но и на будущее. Проблемы сопровождают общество на всем протяжении его развития, становясь сложнее, но обществу, его лучшим умам дан шанс познать их и найти соответствующие требованиям времени пути их решения. Но теоретическая интерпретация проблемы рождает для ученых и политиков новую проблему выбора качественно

новой политической философии. В этом отношении необходимо иметь в виду общемировую тенденцию к конвергенции основных общественно-политических парадигм. В массовом сознании они выступают как некие фундаментальные альтернативы. В действительности же, при всех их различиях, по многим вопросам у них просматриваются некие общие позиции. Тенденция к их сближению закономерна, а строительство европейского социального государства — это заслуга не только социал-демократов, но неоллибералов и христианских демократов.

Возникает вопрос: существуют ли социально-политические идеи в «чистом виде»? Да они могут быть такими определенное время, но процесс эволюции и обновления рушит существующие границы между ними. Тенденция к их сближению закономерна, а строительство социального государства — это заслуга не только социал-демократов (сколько бы они это не утверждали), но и либералов и христианских демократов. В действительности же европейская модель социального государства — наглядное выражение конвергенции социал-демократических, христианских демократических и либеральных подходов.

Из выше сказанного можно сделать вывод о том, что идея социального государства не нова, но она остается актуальной как для европейских государств, так для постсоциалистических государств. Но достижение этой цели для этих государств имеет разную систему координат. Для стран Европы актуален вопрос модернизации модели социального государства. Для постсоветских государств же координаты продвижения по пути к социальному государству определяют неразвитость рыночных отношений и незначительность среднего класса и их социально-экономическое состояние с несформированной и нефункциональной рыночной экономикой и большинство обнищавшего населения, что требует социальности рыночной экономики. Эта проблема рождает новую проблему использования соответствующего опыта. Попробуем выделить некоторых из них: во-первых, попытки механического перенесения любого общественно-опыта на другую национальную почву обречены на неудачу; во-вторых, необходимо иметь в виду, что имеющийся опыт социального государства, его теория и практика имеет пространственное и временное измерение; в третьих, необходимо видеть новые тенденции общественного развития, как своего, так и европейских государств, и сочетать их с используемым опытом социального государства.

Но на фоне обсуждения западными социал-демократами перспектив смены парадигм европейской модели социального государства от «государства социальной помощи» к «государству инвестиций» возникает вопрос: а может этот опыт не имеет будущего и может завести в новый тупик? Но призывы некоторых «новых» социал-демократов Европы отказаться от якобы устаревшей социальной политики, приводящей к «чрезмерным социальным расходам», не находят единодушной поддержки. Многие западные политики считают, что задачи повышения конкурентоспособности отечественного производства не следует решать за счет сокращения перераспределительной системы. Иными словами «социальные расходы» и «социальные инвестиции» нужно не противопоставлять, а сочетать. В этой связи обращает на себя внимание заявление министра торговли Швеции Лейфа Пагротски, который, ссылаясь на положительный опыт шведской экономики, утверждает: «Расходы на социальную сферу могут благоприятствовать гибкости экономики». А гибкость — это ключ к низкой инфляции и долгосрочному экономическому росту. Исходя из этого, Пагротски делает вывод: «Мы должны не развенчивать европейскую модель, а модернизировать ее», с тем, чтобы создать самую конкурентоспособную и динамическую экономику в мире.

Мнение, которое выражает Л. Пагротски, наводит на более глубокие размышления и является определенным толчком для «молодых и неопытных строителей» социального государства для необходимого критического переосмысления и непредвзятого изучения опыта социального государства. Но при этом необходимо иметь в виду, что использование опыта государственного строительства в условиях кардинально иного социально-экономического пространства имеет свои закономерности и свою особенную логику. Именно они, на уровне использования опыта европейской модели социального государства, определяют «особенному», т. е. национальному, в диалектике общего и особенного первое место.

Таким образом, современный этап общественной системной трансформации в постсоциалистических странах на общем фоне цивилизационного процесса является закономерным процессом. И как говорил «архитектор» социального рыночного хозяйства в Германии Людвиг Эрхард: «Политические и экономические порядки всегда будут склонны трансформироваться постоянно, но останется вечная цель – служить и помочь благосостоянию людей».

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Ширяева Л.А.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

«Завтра наш путь долг и мы можем исполниться. Пойдем вместе. У нас будет праздник и радость. Спою тебе песню твоей матери, и жены, и сестры, так же скажешь предание отца о горе и подвиге: будет наш путь общим».

Идея мира и братства народов в недавнем прошлом, перевернута с головы на ноги сегодня стала нести отрицательные эмоции и негативные мысли. Но процессы изменения сознания народов не зависят от нашего личного понимания. Давно говорилось с закономерности хода истории, можно рассуждать о ментальности определенных наций, о ментальности отдельного народа, хотя ещё в 70-х годах в Большой Советской Энциклопедии мы не найдём слово-МЕНТАЛЬНОСТЬ. Сегодня на наших глазах ускоренными темпами происходят объединительные процессы невозможные с точки зрения логики ещё лет 5 назад. Объединенная Европа- Объединённое Славянство. Для того, чтобы понять возможности такого конструктивного содружества для Будущей жизни, можно вспомнить предысторию уходящую в 15 тысячелетие до н. э.^[1]

Тогда древние славянские племена говорили на одном архаическом языке и место их расселения держава Аратта, включала в себя обширные территории от Днепра до родины древнейших этрусков.^[2] Аратта - арийская общность появившись на исторической арене, сложила генную память сегодняшних славян, которые, не глядя не на какие исторически негативные изменения всё-таки, периодически, идут друг к другу на встречу и выдвигают позитивные решения на пути взаимопонимания.

Вспомним историю польского и белорусского народов с единым геологическим пространством, в котором был накоплен позитивный опыт синтеза, обмена, и взаимного движения к созданию новых конструктивных решений, не пресекающих и угнетающих национальные особенности. Включение восточнославянских земель в состав Литовского государства имело историческое значение. Беларусь в составе ВКЛ сохраняла правовые традиции Древнерусского государства, восточное христианство стало внутренним фактором государственной и культурной жизни новой политической элиты.